

«Советский человек» и «барды»: два стиля поведения

Проблема взаимодействия идеологии и повседневности всегда актуальна, особенно акцентирована она в русской культуре советского периода. Данная работа посвящена проблеме двух противоположных моделей человека в культуре повседневности советского времени. Одной из них является «советский человек», связанный с государственной идеологией; другая – «барды», с повседневностью. В советское время в любом случае нетрудно обнаруживать взаимодействие этих двух сил, т.е. идеологии и повседневности, которые влияют на формирование нового стиля поведения.

При создании нового государства появился новый тип человека – «советский человек»^[1], отличающий от дореволюционного и буржуазного идеологией, мировоззрением, способом мышления, своими ценностями и поведением. Рассматривая особенности «советского человека» с точки зрения социально-исторической антропологии, Н.Н. Козлова называет городского жителя крестьянского происхождения типичным «советским человеком», но под суровым государственным контролем эти новые городские жители не все стали такими. По ее объяснению, «советский человек» – как маска: одни добровольно ее носят, активно принимают это новое лицо, другие не столь активно и добровольно, скорее вынужденно, ради приспособления; а третьи ее совсем не принимали.

Известно, что «советский человек» выступает в качестве идеального типа официальной идеологии, которого власть стремилась воспитывать везде и всегда. Тут идеология как государственный канон, которой власть управляет страну. Этот человек социалистического образа жизни формировался в разрыве с прошлой традицией, и был принужден властью жить в коллективе. Новой властью в СССР были построены соответствующие официальной идеологии институты: коммунальная квартира, дом-коммуна, рабочий клуб, парк культуры и отдыха. В рамках образовательной системы было организовано октябрятское, пионерское и комсомольское движение, чтобы с детства всесторонне изучался коммунизм, таким образом, весь народ должен был развиваться под влиянием партийно-пролетарской идеологии в коллективном обществе. Цитаты из пропагандистских брошюр, как пишет Н. Козлова, стали повседневным языком советского общества.

Г.С. Кнабе характеризует положение эпохи 60-70-х гг. как «двухэтажное отражение»^[2]. На верхнем этаже проводились мероприятия официальной власти, а на нижнем формировалось разочарование к ним, а также устраивались мероприятия, не принадлежащие к власти. Именно в этой атмосфере возникло бардовское движение, связанное с распространением так называемой авторской песни. Это движение было не только художественным, повседневным, по словам Л.А. Аннинского, но и «человеческим»^[3]. В связи с распространением этого движения на территории бывшего СССР, родился и другой тип человека, противоположный «советскому человеку». Речь идет о «барде», или так называемом «поющим поэте», выполнявшей главную роль в бардовском движении.

Рождение «бардов» более или менее соотносилось с тогдашним общественным положением. Однако, если «советский человек» родился сверху, то «барды» самостоятельно появлялись снизу, из гущи народа. Рождение «бардов» в период «оттепели» не случайно. В то время возвращалось в обиход несколько понятий, которые стали понимать несколько по-другому, чем раньше: такие как семья, повседневность, свободное время, частная жизнь. До строительства «хрущевок» люди – представители разных профессий – жили в коммуналках, как в одной большой семье, где жители были практически лишены частной жизни и индивидуальности. А переезд в новое отдельное жилье давал каждой семье возможность жить в собственном пространстве, без надзора соседей. Кроме физического тела, освобождалась и душа человека. В отдельной квартире находилось место сбора своих друзей. Здесь «барды», сочетающие в себе композитора, исполнителя и поэта, могут свободно общаются с единомышленниками через пения. Причем, соответствующее собрание, такие как фестиваль Грушина, по мнению Ж.В. Черновой, стал «важным механизмом создания коллективной идентичности членов сообщества любителей и исполнителей авторской песни»^[4]. Благодаря магнитофону быстро разошлись по каждому домам песни «бардов», а также их искренний дух.

Единственный признак сходства между «советским человеком» и «бардами» представляет собой происхождение из одной – русской и советской – культуры, в определенном времени и пространстве. Тем не менее, между теми и другими существовало много различий – в поведении, ценностях, мировоззрении и идеологии. Для советского государства появление «бардов» означало кризис существования «советского человека». Как отмечала Н. Козлова: «Советского общества не могло существовать без советского человека. Советское общество стало разваливаться, когда с поверхности истории стали исчезать советские люди»^[5].

Поскольку «барды» стремились к свободе, истине, и самостоятельности, они не верили в положения коммунистической идеологии. Для них разделение на «мы» и «они» оказалось не тождественно аналогичному разделению для «советского человека». Для «советского человека» «мы», на самом деле, в большинстве

случаев означает абстрактный коллектив, у которого единственная идеология – коммунизм. На эту проблему в творчестве Б. Окуджавы, т.е. проблему самоидентификации, которая складывается в теме Арбата, обратил внимание и Г. Кнабе, определяя «направление взгляда поэта, выделяющего в окружающей действительности подлинное и свое – в отличие от чужого»^[6]. У Окуджавы «мы», по мнению Г. Кнабе, скорее всего обозначает ребят с «ретроспективного» арбатского двора в 30-е гг., с которыми вместе были пережиты трагические времена, а также имели одинаковое сознание и ценности. Эти «мы» были конкретными людьми, либо своим кругом друзей, либо близкими людьми, либо своим поколением, т.е. шестидесятниками. А в «ролевой лирике» В.С. Высоцкого мы также видим силуэт героя и рассказчика. Большинство этих героев приходит из какого-то определенного общества, где тоже бывали слушатели песни, здесь они нашли других своих «мы».

Более того, Ж. Чернова отмечает, что «барды», выступающие своего рода «романтиками», представляют собой один из вариантов образа мужественности в советском обществе. Для «бардов» характерны «физическая и духовная сила, независимость, ответственность, преданность своему делу и друзьям, политическая неангажированность»^[7]; их противоположностью представили другие или чужие, т.е. «филистеры», «обыватели», или «неумехи». «Барды» смело пишут и поют на те темы, которые «советский человек» не поет и которые в массовой песне не обнаружены. Об этом неоднократно упоминали исследователи, такие как Ю.А. Андреев, Н.А. Богомолов. Н. Богомолов называет творческий принцип «бардов» «от противного»^[8]. «Барды» также обращают внимание на глубокий слой души и изменения настроения человека, которые они, как будто реально, могут чувствовать.

Проанализировав стили поведения «советского человека» и «бардов», замечаем, что последние откровенно отражают идентичность по отношению к своей группе, чем объясняется их «мягкий бунт» против тоталитарной системы. «Советский человек» и «барды» как два стиля поведения характерны для культуры периода «оттепели» и последующего времени. Государство формировало свое поведение, с одной стороны; находящийся в глубине души народа менталитет оказывал противодействие этой силе и формировал другое поведение, которое особенно основывается на повседневности, с другой. Борьба идеологии и повседневности не прекратилась и после распада СССР, более того, она еще и теперь продолжается, уже в постсоветское время.

Список литературы.

- 1.С данным термином сопровождалась и другие с негативной оценкой: Homo soveticus, совок и др.
- 2.Кнабе Г.С. Булат Окуджава и три эпохи культуры XX века: проблема «мы» // Древо познания – древо жизни. – М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2006. С. 675.
- 3.Аннинский Л.А. Барды. – Иркутск: Издатель Сапронов, 2005. С. 15.
- 4.Чернова Ж.В. Романтик нашего времени: с песней по жизни // О Муже(И)ственности: Сборник статей. Сост. С. Ушакин. – М.: Новое литературное обозрение, 2002. С. 458.
- 5.Козлова Н.Н. Социально-историческая антропология. – М.: Ключ-С, 1998. С. 154.
- 6.Кнабе Г.С. Там же. С. 683.
- 7.Чернова Ж. Там же. С. 472.
- 8.Богомолов Н.А. Между фольклором и искусством: самодеятельная песня // От Пушкина до Кибирова: Статьи о русской литературе, преимущественно о поэзии. – М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 353.

У Цзя-цин (Тайвань)

кафедры истории и теории культуры факультета истории искусства
Российского государственного гуманитарного университета
Электронный адрес: chiainglucy@gmail.com